

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ

Синтия Д'Апри Суини

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д19

Cynthia D'Aprix Sweeney
GOOD COMPANY

Copyright © 2021 by Cynthia D'Aprix Sweeney

Фото автора: Credit Bader Howart

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:

© Olga Korneeva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

В оформлении суперобложки использована иллюстрация:

© Babich Alexander / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Екатерины Ракитиной*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Д'Апри Суини, Синтия.

Д19 Хорошая компания / Синтия Д'Апри Суини ;
[перевод с английского Е. Ракитиной]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-154225-2

Вот так бывает – одна случайная находка переворачивает всю жизнь. Устоявшуюся, яркую и счастливую.

Флора Манчини была счастлива в браке более двадцати лет. Но все, что она знала о семье и дружбе, в один миг оказалось ложью.

Это случилось в тот день, когда Флора нашла конверт с обручальным кольцом мужа. Джулиан как-то сказал, что потерял его тем летом, тринадцать лет назад.

Тогда супруги держали небольшую театральную труппу «Хорошая компания», крутились как могли и вскоре смогли задыхаться полной грудью.

В какой момент все изменилось?

Что же случилось тем жарким летом?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ракитина Е., перевод на русский
язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154225-2

*Как и все остальное,
посвящается Майку*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Флора не искала кольцо, когда нашла его. Она копалась в старом шкафу для бумаг в гараже, искала фотографию, сделанную тем летом, когда Руби было пять, тринадцать лет назад. Долгие это были годы? Или пролетели незаметно? И то, и другое, как посмотреть. Флора проснулась с мыслями о фотографии, она знала, что та наверняка где-то в доме. Фотография переехала с дверцы уродливого коричневого холодильника в Гринвич-Вилледж на дверцу еще более уродливого коричневого холодильника в Лос-Анджелесе («Как получилось, что два человека на противоположных побережьях, в чьих домах нам в итоге приходится жить, выбрали коричневые холодильники?» — спрашивала она Джулиана), пока уродливый холодильник номер два однажды августовским утром не испустил дух, и они не заменили его новым, который был покрасивее, из нержавеющей стали, и магниты на нем не держались. Флора перевесила фотографию на доску на маленькой застекленной солнечной веранде, которую они звали «кабинетом»,

но края снимка начали загибаться, и тогда она убрала его в ящик, подальше от безжалостного времени и неусыпного внимания калифорнийского солнца. Пару лет назад она разобрала ящик — как раз после того, как получила роль Леоны, игривой львицы в мультсериале «Гриффит», и «кабинет» превратился в «студию», место, где она могла при желании записывать озвучку дома. Куда она убрала все из ящика? Она бы никогда не выбросила фотографию, тем более эту.

— У нас разве уже нет кучи подарков для Руби? — спросил Джулиан, копаясь в своей прикроватной тумбочке; он хотел помочь, но только устраивал беспорядок. У дочери в тот вечер был выпускной в школе, и Флора хотела вставить фотографию в рамку и подарить ей. Милый сюрприз.

— Тут, наверное, можно много что выбросить, — сказала Флора, глядя на кучи хлама, который Джулиан вынимал из тумбочки и раскладывал по кровати: несколько пар очков для чтения, уже ненужные шнуры для компьютера, пустые пузырьки из-под аспирина, несколько потрепанных сценариев. Он, скорее всего, не обратит внимания на ее слова. За двадцать лет брака все границы были определены, как и все места, где ей позволялось проявлять свою тягу к порядку и куда она научилась не соваться.

— Эй! А вот это Руби пригодится. — Джулиан поднял внушительную пачку евро, свернутую трубочкой и скрепленную резинкой. В конце месяца Руби должна была ехать в Испанию с семьей своего парня, после чего они встретятся с Флорой и Джулианом на севере штата Нью-Йорк, в Стоунеме. В том самом доме

с пропавшей фотографии, сделанной столько лет назад.

— Хорошо бы этим летом повторить тот снимок, — сказала Флора. — Если бы приехали Дэвид и Марго, можно было бы.

Джулиан бросил евро на Флорину сторону кровати, очень собой довольный. Три года назад, стоя перед пунктом обмена валюты в аэропорту Шарль-де-Голль, они спорили, менять ли евро обратно на доллары. Она ясно помнила. В терминале было немилосердно жарко из-за какой-то поломки кондиционера. Они, все трое, были неповоротливы и раздражительны после позволенных себе излишеств — сыр и багеты целыми днями, фуа-гра почти каждый вечер, круассаны, шоколад, вино. Пятнадцатилетняя Руби была не в настроении.

— Почему это я неблагодарная? Я просто сказала, что парижане слишком уж попадают для тех, кто не может наладить кондиционер. Что такого?

Руби всегда плохо переносила жару, с самого детства. Когда она была маленькой, лето в Гринвич-Вилледж превращалось в кошмар. Руби ноет, хочет уйти с площадки, отказывается надевать панамку, ее бледные щеки краснеют, между плотненькими бедрами появляется зудящая сыпь.

— Можно на будущий год мы поедем в июле на пляж? Ну пожалуйста! Куда-нибудь, где есть кондиционер, куда-нибудь, где одежда не будет насквозь пропотевать к полудню? — Она подняла руку и сердито ткнула в пятно от пота под мышкой. — Блузке конец, мам. Она совсем новая, в Лос-Анджелесе такой силуэт не найдешь, и ей конец!

— Ладно, ладно, — Джулиан примирительно положил Руби руку на плечо. — Давайте поищем что-нибудь холодное попить.

В тот момент он подмигнул Флоре, дал знак, что они на одной стороне. Они оба слышали, насколько Руби повторяет за Марго. «Силуэт», «попахивают» — эти слова не из лексикона Руби.

То, что Руби любила — боготворила — лучшую подругу Флоры, было хорошо. И ничего удивительного в том, что Марго, у которой не было детей, и Руби, единственный ребенок, были не разлей вода. Испорченная блузка была подарком Марго, купили они ее в Шестом арондисмане, в маленьком бутике, в который Флора в жизни бы не зашла. Слишком дорогой. Слишком пугающий. У них с Марго накануне вечером был неприятный разговор за ужином в крошечном бистро, где все, похоже, немножко слишком напились и немножко слишком расшумелись. Марго и ее муж, Дэвид, забрали Руби на весь день, а потом явились, нагруженные покупками. У Руби горели глаза, настроение было отличное, и она в кои-то веки не жаловалась на жару.

— Слишком много всего, — сказала Флора, пока Руби открывала пакет за пакетом, демонстрируя добычу: очень прозрачную розовую блузку, пару белых гладиаторских сандалий, которые Флоре показались чудовищными, черный шарф от какого-то топового дизайнера, покрытый крохотными черепами, замшевую сумку с бахромой. — Это сейчас модно? — спросила Флора, проведя пальцами по коричневой замше.

— Мам, — ответила Руби. — Ну очевидно же.

Всё было потрясающее. Дорогое. Флора злилась на Руби за то, что та приняла столько подарков, но вместе с тем понимала, какой упрямой может быть Марго, как она размахивает щедростью, как дубиной: «Вот! Возьми это, возьми то, возьми!» Иногда ей бывало просто невозможно противостоять.

— Да ерунда, — отмахнулась Марго от Флоры, запиная пакеты под тесный для их компании столик. — На все были скидки.

Дэвид пожал плечами, милый, сговорчивый Дэвид: все, чего Марго пожелает...

Но Флоре и так уже было не по себе из-за квартиры, которую они сняли. Как всегда, когда они путешествовали с Марго и Дэвидом, основные расходы брала на себя эта парочка; «половина» Флоры и Джулиана — очень разумная сумма, которую Марго назвала в качестве их доли — ни в коем случае не покрывала пятидесяти процентов роскошных, просторных апартаментов возле Люксембургского сада.

— Может, она ее за мили взяла, — сострил Джулиан, когда они распаковывали чемоданы. Марго действительно настаивала, что может оплатить всем билеты на самолет, потому что ей нужно израсходовать мили от авиакомпании.

В тот день, во французском аэропорту, у Флоры не было сил спорить с Джулианом из-за обмена валюты, которой можно было бы заплатить за такси до дома в Лос-Анджелесе или за доставку еды в тот вечер. Она просто хотела покоя. Хотела домой. Хотела вернуть себе внимание дочери, потому что, говоря начистоту, Флора злилась из-за покупок, злилась, что Руби все десять дней ловила каждое слово Марго, подражала

ее жестам, интонациям и даже однажды вечером — в шутку, но была в этом и какая-то точность, нет? — назвала ее *mon autre mère*¹.

Флора спустилась в кухню, налила себе чашку кофе, добавила миндальных сливок, которые Руби убедила ее использовать вместо обычных. («Прости, мам, но в твоём возрасте молочные продукты — это почти яд».)

Выглянула из окна гостиной. Было еще рано, солнце только поднималось, придавая небу влажный синий оттенок, как у Моне, и подсвечивая силуэты небоскребов. Начало июня в Лос-Анджелесе. Июньский сумрак. Густой низкий туман, поднимавшийся с моря, скрывал дома ниже по холму, и район становился похож на зачарованную деревушку из сказки.

Джулиан взял рюкзак и ключи от машины, поцеловал Флору на прощанье. Последние дни съемок перед летним затишьем. Она так и не привыкла к его длиноватым волосам и внушительным бакенбардам, которые он отрастил для новой роли — нью-йоркского полицейского из 70-х. Конечно же, хорошего полицейского, который тайно собирал материал о коррупции и укрывательстве. Джулиана почти всегда брали на роли хороших, такое у него было лицо. Сериал только что продлили, и впервые за все время совместной жизни у них обоих были желанные роли, новые сезоны и почти два месяца отпуска без тревоги о том, что будет с работой до конца года. Джулиан прижал Флору к себе и сказал ей на ухо:

— Тони, Тони, приходи. Что потеряно, найди.

¹ Моя вторая мама (фр.). (Здесь и далее прим. ред.)

Старая молитва святому Антонию, которую во весь голос читала ее мать, когда что-то терялось. Как будто святой Антоний жил в квартире наверху и его можно было позвать, чтобы спустился и поискал ее очки для чтения или неизвестно куда засунутую перчатку.

Джулиан дразнил Флору, и, хотя она больше не молилась ни святому Антонию, ни кому-либо еще, у нее были свои суеверные ритуалы касательно пропавших вещей. Один — потереть большим пальцем материнское обручальное кольцо, скромный ободок из белого золота, который она носила на правой руке с тех пор, как мать умерла. Так она сделала и сейчас. Маленький успокаивающий жест.

Где же та фотография? И вдруг — вспышка, догадка. Когда в кабинете устраивали звукозаписывающий уголок, она перенесла стопку папок и бумаг из дома в гараж — в картотечный шкаф, который у них был с тех пор, как она носила Руби. Они нашли его на 33-й улице на Манхэттене, когда там было полно магазинов конторского оборудования, а они, как предполагалось, подбирали мебель в детскую.

— Идеально, — сказал Джулиан, стоя перед блестящим белым шкафом для бумаг.

— Для детской?

— По крайней мере, он белый.

Флора уперлась. У них уже были отданная кем-то кровать и пеленальный столик, и ей хотелось купить что-то новое в крошечную комнатнушку, где планировалось устроить детскую Руби. Она хотела качалку, или книжную полку, или коробку для игрушек; казалось неправильным ставить в угол детской комнаты шкаф для картотеки. Это было в самом начале двух-

тысячных, еще до того, как обстановка детской стала считаться воплощением хорошего вкуса и умственной стойкости всей семьи, до скандинавских потолочных мобилей и настенных росписей, изображающих зачарованные леса, до тщательно подобранных книжных полок и маленьких квадратных светильников, которые по ночам отбрасывают на стену солнце, луну и звезды.

Но картотечный шкаф был им нужен, он был практичен и, ей пришлось это признать, стоил своих денег. Он был важной частью «детской» Руби, его постоянно использовали. Флора и Джулиан перевезли шкаф из уютной квартирки в Вест-Вилледж в первый съемный дом в Лос-Анджелесе, где он, казалось, уменьшился в размерах, когда попал в более просторное помещение. Когда они купили дом в Лос-Фелиз, небувиваемый шкаф сослали в гараж, который никому не был нужен под машину, потому что снега не было, да и дождь шел всего пару раз за последние несколько лет.

Картотечный шкаф стал компромиссом начальной стадии брака между стремлением Джулиана обрастать бараклом и любовью Флоры к расхламлению. Джулиан называл содержимое шкафа «архивом» — и шутил лишь отчасти. Он как-то признался Флоре, что еще мальчишкой начал сохранять и составлять списки своего имущества, поскольку думал, что однажды станет знаменитым. Ее это признание не удивило; она в юности предавалась тем же фантазиям — что вырастет и станет актрисой, а это ей, маленькой, представлялось гарантией некоторой славы, но при этом Флоре никогда не приходило в голову и в самом деле начать готовиться к тому, что историю ее жизни будут рассказывать.

Как-то раз она набралась уверенности и рассказала о своей мечте матери, пока они вместе мыли посуду. Джозефина только рассмеялась.

— Каждая девочка думает, что станет звездой.

Флора ей не поверила. Не могло же так быть, что *каждая* девочка думала, что станет — или пусть даже хотела бы стать — знаменитой. Минни Дулин, с ее вечным насморком и сползающими гольфами? Розмари Кастелло, которую в четвертом классе отчитала при всех сестра Деметриус за то, что та подкладывает салфетки в лифчик (она взяла цветной «Клинекс», который просвечивал через белую школьную блузку)? Нет, Флора не повелась.

То, что Джозефина думала, что станет знаменитой сама, было не только понятно, но и стало частью семейного фольклора, эту историю о своей молодости Джозефина рассказывала чаще всего. Прослушивания, агент по кастингу, который пришел от нее в вос-торг и хотел, чтобы она прилетела в Лос-Анджелес. «Из меня хотели сделать новую Элизабет Тейлор». Годы, когда она — безуспешно — продолжала прослушиваться для бродвейских шоу, для рекламы на радио и телевидении, были тщательно залакированы. Брак с отцом Флоры и скорый распад этих отношений. Квартира, в которой Флора выросла, служила храмом недолгой карьеры матери в театре. Тот, кто переступал порог маленькой квартир-ки с двумя спальнями над пекарней в Бей-Ридж, никогда бы не сказал, что Джозефина работала актрисой всего четыре года, а еще тридцать пять — телефонисткой в отеле.

— Ладно, мисс Богатая и Знаменитая, поработай-ка еще над этим, — сказала мать Флоры, протянув ей ка-